

ного поведения, способов социализации индивида в обществе, а следовательно, и функционирования в современной культуре традиционных ценностей.

Библиография

Попова Л.Ф. Социальные функции старших возрастных групп в сельских поселениях Казахстана и Киргизии // Феномен социализации в этнической культуре. СПб., 2012.

Стасевич И.В. Традиционные представления о возрастных и социальных статусах в современном казахском обществе (по материалам экспедиции в Западный Казахстан) // Радловский сборник. СПб., 2007.

Токтакунова Э.Ж. 12-летний животный цикл в культуре киргизского народа // http://www.bizdin.kg/elib/jurnalдар/vik/2008_1/toktakunov.doc.

Х.А. Хабекирова

О ТРАДИЦИИ ГЛАВЕНСТВА В ЧЕРКЕССКОЙ СЕМЬЕ

Семья у черкесов, как и в любом человеческом обществе, является важнейшим базовым институтом, выполняя репродуктивную, социализирующую, защитную и другие функции. В ней сохраняются и воспроизводятся этнические традиции и традиционное мировоззрение, ценностные ориентиры и нормы. На протяжении всей истории народа семья была основным институтом, обеспечивавшим передачу из поколения в поколение сложившихся социальных отношений и культурных представлений. Вместе с тем именно в семейно-бытовой сфере наиболее выразительны проявления отношений власти и подчинения. Представительницы западного феминизма не случайно видели в ней основной источник угнетения женщины [Журженко 2001: 28].

Неизбежное неравенство лежало уже в основе семьи, ибо не муж приходил в семью жены, а жена — в семью мужа. Женщина виделась до известной степени чужим человеком даже в доме собственного отца, поскольку со временем должна была его покинуть. Выйдя замуж, она лишалась, по сути, даже собственной фамилии, что равносильно абсолютной власти супруга над ней [Вигасин 1990: 323; Лабутина 2001: 65]. Признание верховенства

мужчины у черкесов утверждалось всей системой общественных и внутрисемейных связей. Это был социум с выраженным доминированием мужчин во всех сферах социальной жизни. Все элементы культуры проявляли гендерное и возрастное подчинение женщин мужчинам, младших старшим [Харючи 2010: 44; Сабанчиева 2005: 221].

В сложившейся иерархии социальных ролей женщине отводилось приниженное место. Общество не видело в ней самостоятельной личности. Как обычное право, так и шариат не признавали ее дееспособной и ставили в зависимость от мужчины. Все, на что она была способна в жизни, связывалось с обязанностями дочери, сестры, жены и матери. Ради собственного спокойствия и счастья она была вынуждена исполнять то, что общество считало ее истинным призванием [Лабутина 2001: 53]. Отношения доминирования и подчинения между полами поддерживались базовыми институтами этнокультуры, что, в известной степени, остается ещё актуальным и сегодня [Тугуз 2012: 12].

Сомнение в справедливости существующих порядков рассматривались народным (массовым) сознанием как посягательство на вековые традиции «естественных отношений», более того, как подрыв основ существования этноса. Как замечают ученые, «самая сильная форма власти та, которая не осознается, которая воспринимается как нечто естественное, данное от бога» [Козлова 1999: 166]. Существующие отношения, таким образом, не подлежали осуждению и даже обсуждению. «*Хабзэм къемызэгъыр и бийиц*» — гласит черкесская пословица («Что не идет по обычаю, то против него», букв. «его враг»). Она более чем ясно выражает мысль о том, что востребованным является соответствие принятым в обществе стереотипам.

Главенствующее положение мужчины и подчиненное женщины наиболее ярко было выражено во внутрисемейных отношениях. Власть мужчины в семье была непререкаема. Сначала, в родной семье, женщина находилась в зависимости отца или братьев, а затем — от мужа, свекра и др. Всякое проявление самостоятельности с ее стороны подавлялось. Беспрекословное подчинение рассматривалось как идеал поведения женщины. Ей предписы-

валось слушаться советов мужчины, главенствующего в доме. При этом женщина должна была всячески демонстрировать свою покорность и послушание, делая это естественно и ненавязчиво, не как выполнение тяжелой повинности, а как проявление благородного воспитания [Гутова 2010: 112].

Как известно, в основе базового типа личности женщины у черкесов лежит набор требуемых черт и свойств характера (в их числе терпение, покорность, умение подчиняться), воспроизводство которого рассматривалось необходимым условием сохранения и трансляции базовых ценностей народа. «Знание своего места» женщиной означало ее соответствие нормам и модели социально одобряемого поведения. Подчиненное положение женщины в семье объяснялось исторически еще и ее экономической зависимостью, когда она и дети находились на иждивении мужа или его семьи, так как она не работала за пределами дома и домашнего хозяйства. Ее репродуктивная роль, обслуживание членов семьи, ежедневный тяжелый труд в доме и хозяйстве не рассматривались обществом как вклад в «капитал» семьи во всех смыслах этого слова и имели низкий социальный статус. Устойчивое словосочетания *фыз Луэху* («женские дела, занятия»), *унагъуэ Луэху* («домашние дела, занятия») имеют смысл «непрестижного», «неважного», «незначительного». Женский труд в доме считался легким и менее важным, чем мужская работа в хозяйстве и за его пределами. Эти представления также создавали в семье отношения власти и подчинения между мужчинами и женщинами. И сегодня домашний труд женщин продолжает иметь низкий статус.

Социальная революция 1917 г. с ее идеей всеобщего равенства вовлекла женщин в сферу общественного труда, относящегося к категории престижной, мужской деятельности. Они вышли на рынок труда как самостоятельные личности, тем самым уменьшая материальную зависимость от мужчин и поднимая свой авторитет в семье и обществе. Государственная политика советской власти, включив и задачу решения «женского вопроса», «эмансипации женщин» (в том числе «освобождение угнетенной горянки»), была призвана донести до женщин, что получение образования, профессиональный и общественно-полезный труд

являются для них тем приобретением, которое окажет влияние на власть в семье и ее статус. Все годы советской власти преобладающее большинство женщин трудилось в различных сферах общественной деятельности, что давало им, бесспорно, большой вес и силу в семье, обществе. Конечно, об эгалитарных отношениях между полами в семье не было и речи, сколько бы женщина ни трудилась дома и на производстве. Идея о том, что дальнейшее развитие общества равных возможностей и прав, профессиональный труд женщины, наличие у нее независимого дохода вызовут существенное сокращение ее домашних обязанностей, создаст более справедливое распределение семейных обязанностей между супругами (что должно было способствовать развитию равноправных отношений между ними), оказалась иллюзорной. По мнению исследователей, по мере того как происходило развитие общества, женщины не только не сбрасывали свои прежние обязанности, а брали на себя новые. В итоге нормой жизни нескольких поколений женщин стал двойной груз — домашней и производственной работы. Никакие успехи на профессиональном поприще не освобождали от их «истинных», с точки зрения патриархальной идеологии, обязанностей. Да и советское государство провозглашало лозунг о том, что работа не должна мешать исполнению женщиной ее семейных обязанностей [Балабанова 2006: 56].

Последствием вовлечения черкесских женщин в общественное производство стала их большая самостоятельность и повышение власти в семье, но оно почти не способствовало сокращению выполняемой ими работы по ведению домашнего хозяйства. Совмещение двух видов работ создавало сложную и противоречивую обстановку в семье. Сохранение традиционной полоролевой схемы в семейной структуре в советские годы объяснялись как живучестью этнических традиций, так и тоталитарным характером советского государства, в котором продолжали доминировать отношения *патриархата* во всех сферах жизни.

В постсоветский период отмечался еще больший всплеск соответствующих идей, преподносимых как возвращение «к исконным ценностям»: женщина — хранительница семейных устоев,

мужчина — кормилец, глава семьи. Общество продолжало навязывать женщинам и мужчинам их традиционные роли, которые воспроизводили отношения доминирования и подчиненности. Гендерная асимметрия более всего сохраняется сегодня в семейно-бытовой сфере. Если хоть какая-то часть женского сообщества ориентирована на *деконструкцию* традиционной модели социальных отношений между мужчинами и женщинами, то мужское сообщество в этом не заинтересовано. Не готово к такому положению вещей и массовое сознание. Даже большинство женщин говорит о данном порядке как норме, принятой в обществе. Но в бытовых разговорах нередко высказываются сомнения в его правильности.

В последние десятилетия отмечается всплеск женской трудовой активности. Своим трудом женщины содержат семьи, в то время как мужчины часто не имеют работы (или же не хотят заниматься трудом, унижающим, по их представлениям, мужское достоинство). Женщины занялись даже предпринимательством, мелкой оптовой торговлей (работа в магазинах, торговля на рынках, как местных, так и в крупных городах России). Интенсивные изменения, происходящие в обществе, вызывают критическое переосмысление традиционных ценностей со стороны части женщин. Эти трансформационные процессы неминуемо воздействуют на социальный и семейный статус тех женщин, которые в последние годы стали еще более независимы в экономическом плане.

Библиография

Балабанова Е.С. Экономическая зависимость женщин: сущность, причины и последствия // Социологические исследования. 2006. № 4.

Вигасин А.А. Женщина в Древней Индии // Вардиман Е. Женщина в Древнем мире. М., 1990.

Гутова Л.А. Путь женщины в свете адыгского этикета. Нальчик, 2010.

Журженко Т.Ю. Социальное воспроизводство как проблема феминистской теории // Общественные науки и современность. 2001. № 4.

Козлова Н.Н. Гендер и вхождение в модерн // Общественные науки и современность. 1999. № 5.

Лабутина Т.Л. Ранний феминизм в Англии // Вопросы истории. 2001. № 8.

Сабанчиева Л.П. Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев. Вторая половина XVI — 60-е годы XIX века. Нальчик, 2005.

Тугуз З.Ю. Этнокультурные особенности гендерных отношений в Республике Адыгее. Майкоп, 2012.

Харючи Г.П. Ненецкая женщина в науке: к вопросу об особенностях исследования сакральной сферы // Этнографическое обозрение. 2010. № 3.

Т.П. Хлынина

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО И СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ¹

Одним из основных источников современной этнополитической активности северокавказских этносов следует признать незавершенность советского проекта нациестроительства в регионе. Как свидетельствует исторический опыт, создаваемые здесь социалистические нации и «группы народностей» не соответствовали даже ставшему со временем классическим сталинскому пониманию их природы и предназначения. Призванные преодолеть «вековую отсталость» и «родовые пережитки прошлого», они строились по принципу мобилизационных колонн, необходимость существования которых в конечном итоге привела к их реификации и последовавшим за нею наделением этнических общностей различными формами политико-административной субъектности.

Интенсификация данного процесса в период социалистической модернизации, чьим следствием становится придание этносам прав политической субъектности в пределах разноуровневых национальных автономий, породила устойчивые представления о неразрывной взаимосвязи между сохранением этнической самобытности народов (конституцирующихся тем самым в нации) и наличием у них той или иной формы государственного образования.

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики» Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».